

УДК 94(44).02“72”:342.547

С.К. Цатурова

ИСТОКИ ЧИНОВНОГО ДВОРЯНСТВА ВО ФРАНЦИИ XIII–XV ВЕКОВ: ПЕРСОНА МОНАРХА КАК ФАКТОР ЛЕГИТИМАЦИИ НОВОЙ ВЛАСТНОЙ ЭЛИТЫ*

Цель статьи – подчеркнуть центральную позицию короля Франции в построении монархического государства и складывании социальной группы чиновников, выявив сложное переплетение личного и публично-правового начал власти. Исследуются тексты клятв чиновников при вступлении в должность, формуляры королевских указов, политические представления и топосы общественного мнения, уставы корпоративных братств, завещания и эпитафии чиновников.

Ключевые слова: история Франции эпохи Средневековья, складывание централизованного государства, истоки чиновного дворянства, стратегии социальной идентификации, мемориальные практики.

Складывание развитого централизованного государства, по сути, неотделимо от оформления идентифицируемой устойчивой социальной группы чиновничества как его неотъемлемого атрибута. Эти процессы шли не только параллельно, но и взаимосвязанно, тем более что усиление власти монарха напрямую отражало и интересы корпуса королевских должностных лиц. Во Франции взаимосвязь короны и ее служителей была особенно прочной ввиду изначальной узости социальной базы монархии и наличия у короля сильных конкурентов в лице знати, что предопределило зависимость успехов централизации от рвения, преданности и лояльности чиновников¹. Выработка правового ста-

* Исследование выполнено при содействии Дома наук о человеке (Франция).

¹ О решающей роли правоведов и чиновников в усилении королевской власти во Франции, придающей исключительность (“parfum d’exception”) французской монархии, см.: *Хачатурян Н.А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1989. С. 20–28; *Она же.* Власть и общество в Западной Европе в Средние

туса, привилегий, специфической этики и культуры королевской службы способствовали конституированию служителей короны Франции в новую властную элиту – в чиновное дворянство (предтечу будущего так называемого дворянства мантии), изначально и неизменного конкурента “дворянства шпаги”. А сам процесс становления государства характеризовался усилением публично-правовых начал королевской власти и известной автономизацией исполнительного аппарата от персоны монарха. Этот процесс с неизбежностью приводил к ослаблению личностного компонента во взаимоотношениях короля и его служителей, к оформлению бюрократических процедур отправления властных прерогатив и комплектования корпуса должностных лиц.

Однако исследуемый начальный этап становления исполнительного аппарата государства характеризовался сложным переплетением двух, казалось бы, взаимоисключающих начал – патримониального, авторитарного и личностного, с одной стороны, и публично-правового, коллегиального и бюрократического – с другой. Складывающаяся структура управленческого аппарата покоилась на глубинной взаимосвязи частного и публичного начал, на амбивалентности служб Дома и Дворца, на неустранимой при монархическом порядке личностной природе королевской власти². Именно на этот аспект мне хотелось бы обратить более пристальное внимание, поскольку сохранение фундаментального для монархической формы власти принципа личностной взаимосвязи короля и его служителей на фоне процесса автономизации и усиления публично-правовых принципов управления рисует более объемную картину формирующегося государства, чем принято думать³.

века. М., 2008. С. 9–10, 166–175; *Strayer J.* Les origines médiévales de l'État moderne / Trad. M. Clément. P., 1979. P. 40–41; *Richet D.* La France moderne: l'esprit des institutions. P., 1973. P. 28; *Genet J.-Ph.* Histoire politique anglaise, histoire politique française // Saint-Denis et la royauté. Études offertes à Bernard Guenée. P., 1999. P. 621.

² На исходную связанность частного и публичного монархической власти, особенно на начальном этапе складывания государства, и на неуловимость перехода от одного к другому обращает внимание исследователей Н.А. Хачатурян. См.: *Хачатурян Н.А.* Запретный плод... или Новая жизнь монаршего двора в отечественной медиевистике // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. М.; СПб., 2001. Вып. 1. С. 15; *Она же.* Власть и общество... С. 234.

³ О центральной позиции монарха в формирующейся структуре управления, как в плане бюрократических практик, так и в сфере идейных основ королевской

Теоретически сам король назначал всех своих чиновников, делегируя им конкретную и ограниченную часть собственных публичных полномочий, и это оставалось сутью службы королю, определяя характер отношений монарха и его служителей. Кардинальное усиление процесса складывания королевской администрации с середины XIII в. нашло отражение в новых принципах взаимоотношений монарха с его чиновниками, заложенных в фундаментальных ордонансах Людовика IX Святого 1254–1256 гг. Всячески стремясь не допустить повторения того, что в историографии получило название “инфеодации” должностей, верховная власть преследовала цель гарантировать зависимость чиновника только от короля и исключить всякие иные его связи, объявив их незаконными. С этой целью человек, поступавший на королевскую службу, заключал своеобразный контракт с королем, обязуясь служить только ему и никому более⁴. Такой контракт, будучи по своей природе проявлением патримониального, личностного принципа комплектования королевской администрации, способствовал на деле автономизации бюрократического поля власти внутри политической сферы, поскольку привязывал чиновника к персоне монарха, а через нее – к формирующемуся государству, и ставил вне закона прежние связи человека с кем бы то ни было иным.

Фундаментальный принцип нового контракта чиновника с королем выражался в тексте приносимой им при вступлении в должность клятвы (присяги), где оговаривалась его обязанность служить только королю и никому другому⁵. Эта обязанность коро-

власти на данном этапе, см.: *Цатурова С.К.* Король Франции и его чиновники (Своеобразие реализации принципа абсолютной власти *Quod principi placuit*) // Французский ежегодник. 2005. Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б.Ф. Поршнева. М., 2005. С. 129–149; *Она же.* “Король – чиновник, священная особа или осел на троне?” Представления об обязанностях короля во Франции XIV–XV вв. // Искусство власти. Сб. в честь профессора Н.А. Хачатурян. СПб., 2007. С. 99–131.

⁴ Исследователи не уделяли этому вопросу должного внимания, считая систему ограничений и обязательств простым проявлением здравого смысла и стремления обеспечить чиновнику независимую позицию. См., например: *Favier J.* *Philippe le Bel*. P., 1978. P. 99.

⁵ О. Морель обратил внимание на изначальную простоту приносимой даже канцлером – главой всей гражданской администрации – клятвы, в которой от него, по сути, требовалось только “принадлежать королю и ни от кого другого не брать пенсионов” (*Morel O.* *La grande chancellerie et l’expédition des lettres royaux de l’avènement de Philippe de Valois à la fin du XIVe siècle (1328–1400)*. P., 1900. P. 139).

левского служителя выражалась в двух взаимосвязанных правилах должностного поведения, зафиксированных уже в ордонансе от декабря 1254 г. Прежде всего, чиновник должен был поклясться, что не будет брать “никаких даров (dons)” от кого бы то ни было, деньгами – “серебром и золотом” – или в каких-то иных формах, движимых или недвижимых, либо в форме бенефициев “именных или постоянных (personnels ou perpetuels)”⁶. Более того, подобные дары отныне не имели права получать “их жены, дети, братья, сестры, племянники и племянницы, кузены и кузины, помощники и слуги”; в противном случае чиновник обязывался заставить их эти дары вернуть обратно дарителю. Исключение в дарах делалось только для вина и мяса и только в ограниченных объемах: цена подношения не должна была превышать 10 парижских су.

Нельзя не признать, что эта формула клятвы преследовала цель борьбы со взятками и подкупом королевских должностных лиц и потому четко оговаривала величину и стоимость допустимых подношений. Разрешение бальи и сенешалям брать только вино и мясо и только стоимостью не больше 10 парижских су, которое оговаривалось в ордонансе 1254 г., возможно, восходило к традиционному сеньориальному праву постоя. Однако эта норма претерпела в дальнейшем некоторые изменения. Выдающийся юрист и опытный управленец бальи Филипп де Бомануар в “Кутюмах Бовези” дал свою интерпретацию этой формулы: “милость ему (бальи) дана сеньором в силу клятвы брать вино и мясо, но не чрезмерно, как то: вино не повозками и бочками или быков и свиней живыми, но в объемах, пригодных для еды и питья в тот же день, как то вино в кувшинах или бочонках или мясо, пригодное к отправке на кухню”⁷. При этом он прямо указывает, что такое ограничение преследует цель обеспечить лояльность, честность и авторитет полномочного представителя короля.

⁶ Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique / Éd. E.J. de Laurière, D.-Fr. Secousse, L.-G. De Villeval, L.G. de Brequigny, E. Pastoret, J. M. Pardessus. P., 1723–1849. 22 vols. (Далее: ORF. Том, страница). Vol. I. P. 68.

⁷ “grace li est donee du serement par le seigneur de prendre vins et viandes, et non pas outrageusement comme vins en queues et en toneaus, ne bues ne pourceaus vis, mes choses prestes comme a boire et a mangier a la journee, si comme vin en pos ou en baris, ou viandes prestes a envoier en la cuisine” – *Beaumanoir Ph. de. Coutumes de Clermont en Beauvaisis* / Publ. A. Salmon. P., 1899–1900. 2 vols. T. I. P. 31 (N 29).

Ограничения для подношений королевским служителям сохранились и в дальнейшем, хотя конкретные формы их видоизменялись. Так, в ордонансе о преобразовании королевства от 23 марта 1302 г. формулировка этого ограничения практически повторяла трактовку Бомануара: не брать ничего, кроме еды и напитков, и столько, сколько можно употребить за один день, “и если берут вино, то только в бочонках”; в ордонансе от марта 1312 (1320) г. это ограничение расширено до объема, “который может и должен быть употреблен в течение малого числа дней”⁸. Для службы сборщиков налогов указ 27 мая 1320 г. вводил специфический запрет: не останавливаться на постой в течение целого дня во владениях церкви и не брать там воды для лошадей⁹. В ордонансе от 5 февраля 1389 г., который устанавливал новые нормы поведения сенешалей и бальи в духе реформ мармузетов, это ограничение приобретает более ярко выраженный социальный оттенок. Им по-прежнему разрешается брать только продукты (еду и напитки), но не чрезмерные, а годные к употреблению в течение одного дня и “согласно положению каждого”. Однако подчеркивается, что такие дары можно принимать лишь “от богатых и состоятельных людей и только после настоятельной их просьбы”¹⁰. Отдельным пунктом в этом ордонансе расписаны пределы “отягощения” бальи и сенешалями церквей и аббатств: королевским представителям на местах было запрещено не только останавливаться на постой в церковных домах, но и размещать во владениях церкви своих лошадей, охотничьих собак и птиц, в том числе соколов¹¹. Для членов Королевского совета при Филиппе IV Красивом (в их числе для служителей Парламента и Палаты счетов) делались послабления: им, как и всем прочим, разрешалось брать вино, но

⁸ ORF. I, 365; XII, 451. Аналогичная норма повторена в ордонансе о сенешалях и бальи от 1362–1363 гг.: брать только мясо и вино и только в объемах, которые можно употребить “в несколько дней (en peu de jours)” (ORF. IV, 412. N 15).

⁹ ORF. I, 713–714.

¹⁰ “seulement vivres necessaires ordenez pour boire et pour maingier, sans outrage, selon la condition d’un chascun, et en tele quantité qu’ils le puissent honnestement gaster dedans un jour, consumer et despendre, et ne recevront vivres ordenez pour boire et pour mengier, ce n’est de ceulx qui sont riches et souffisans, et qu’ils en soient tres-instantement requis” (ORF. XII, 164. N 9). Вино разрешается брать лишь в “маленьких кувшинах или бочонках (en petits barils et boeteaux ou pos)” (Ibid. P. 165. N 11).

¹¹ “ne logent eulx, leurs chevaux, chiens et oyseaulz, fauconniers ou braconniers” (ORF. XII, 163).

не бочками, и мясо, но не живыми свиньями или быками; а кроме того, разрешалось брать в подарок собак и птиц¹².

О том, что чрезмерные дары расценивались как взятки и коррупция чиновников, свидетельствует и их квалификация в указах – “дары развращающие (*dons corrompables*)”, которая появилась впервые в ордонансе 1374 г. и с тех пор неизменно повторялась. Однако помимо наносимого такими дарами ущерба моральному облику и авторитету королевских должностных лиц, они могли стать источником нелояльности чиновников короне. Об этой оборотной стороне даров прямо и недвусмысленно говорят статьи указов, перечисляющих запреты, налагаемые на того, кто поступает на службу к королю Франции.

В самой первой формуле клятвы сенешалей и бальи (в ордонансе 1254 г.) речь шла о запрете брать деньги, движимое и недвижимое имущество или бенефиции. В изданном вслед за ним ордонансе 1256 г., в целом повторявшем предыдущий, запрет выражен несколько короче: “ни платьев, ни пенсионеров ни от кого, кроме нас (короля)”; позднее, указом от 1362 г. запрещались “дары, пенсии или платья (*Robes*)... в аренду или иначе дома, риги, цензы, земли, луга, виноградники и другие доходы от церкви или от других персон в своих сенешальствах и бальяжах”¹³. Адвокатам указом от 1274 г. запрещалось брать “пенсии, службы, дары или вознаграждения” (“*pensionis, servitii, muneris, aut gratie*”); сборщикам налогов (ордонанс 27 мая 1320 г.) – “дары, пенсии, дома, риги и другие доходы от церкви и иных персон в их податной округе (*receveries*)”; позднее им же – “платья и пенсии”; мэтрам вод и лесов (ордонанс 29 мая 1346 г.) – “платья и пенсии от какого-либо сеньора или дамы, дома в аренду или пожизненно от аббатов, приоров и других” (“*Robes ne Pensions d’aucuns seigneurs ou dames, ne aucunes maisons à ferme, ne à vie, de abbez, prieurs ou d’autres*”); служителям Палаты счетов и Казначейства (ордонанс 4 марта 1348 г.) – “платья и дома (*mesnage*) от какого бы то ни было сеньора”¹⁴.

В этом списке запретов четко обозначено стремление верховной власти не допустить появления у королевского служителя каких-либо связей или близких отношений с кем-то из властных и

¹² “vins hors de tounel, ou chiens, ou oisiaux, ou viandes hors de buief ou de pors ou de autre chose” (*Langlois Ch. Textes relatifs à l’histoire du Parlement depuis les origine jusqu’en 1314. P., 1888. P. 127–128. N 95*).

¹³ “ne robes ne pensions de nul que a Nous” (ORF. I, 79; IV, 412; XII, 450).

¹⁴ ORF. I, 301, 713–714; II, 174, 247, 284.

богатых персон, кроме короля. Это стремление прямо выражено было в запрете брать что-либо от светских сеньоров или церкви, а также от городов и коммун. Если в ордонансе 1254 г. этот запрет выражен, хоть и однозначно, но еще в абстрактной форме – “не брать ничего и не держать ни от кого”¹⁵, то в последующем персоны и институты, с которыми королевский чиновник не должен был вступать в денежные и имущественные связи, регулярно и подробно перечислялись. Так, в ордонансе 1302 г. сенешалям и бальи запрещалось что-либо брать “от какой бы то ни было персоны, церковной или светской, ни от какого города или коммуны”. В хартии, дарованной жителям Перигора в июле 1319 г., говорилось, что “никто из служителей короля, прокуроров и других не могут получать пенсии от прелатов, баронов и иных лиц”. Мэтры (смотрители) королевских вод и лесов не должны были брать ничего “от сеньоров и дам, от аббатов, приоров или других”; казначеи и сборщики не имели права брать “платья, жалованья, пенсии от прелатов, баронов и других дворян и не дворян (*nobles et non nobles*)”. В большом ордонансе о королевской администрации от 7 января 1401 г. всем чиновникам запрещалось брать “дары развращающие или пенсии от сеньоров и других персон, кроме нас (*de quelque seigneur ou personne que ce soit autre que Nous*)”. В кабошьенском ордонансе 1413 г. всем королевским чиновникам на местах (прево, сенешалям и бальи) запрещалось “служить другим сеньорам, городам или коммунам (*communautez*) и не быть у них на пенсиях, платьях или других услугах (*bienffaiz*)”. Кроме того, им запрещалось получать “злато, серебро и другое движимое имущество или наследие за службы или в дар, ни какое бы то ни было дарение, наследуемое или временное”. В большом ордонансе о Палате счетов от 23 декабря 1454 г. особо оговаривалось, что ее служителям запрещалось “брать дела какой бы то ни было персоны, вести и продвигать их, находясь в этой палате”¹⁶.

Анализ клятвы чиновника при вступлении в должность¹⁷ свидетельствует о стремлении верховной власти заручиться гаран-

¹⁵ “ils ne prengnent nul, ne tiegnent nul” (ORF. I, 360).

¹⁶ ORF. I, 698; II, 247, 282; VIII, 417; *Coville A.* L'Ordonnance Cabochienne (26–27 mai 1413). P., 1891. P. 100, 104 (Далее: *Ordonnance cabochienne*); ORF. XIV, 342.

¹⁷ См. подробнее: *Цатурова С.К.* Клятва чиновника при вступлении в должность во Франции XIII–XV вв.: от контракта с королем к контракту с государством // *Право в средневековом мире.* 2009: Сб. статей / Под ред. И.И. Варьяш, Г.А. Поповой. М., 2009. С. 51–81.

тиями лояльности королевского служителя, дабы приносимая им клятва связала его исключительно и целиком с интересами короля, автоматически прерывая все прежние связи и обязательства. Эта клятва во многом аналогична вассальной клятве верности рыцаря своему сеньору, от которого тот получал земельное владение или доход, что в исторической перспективе будет одной из стратегий укрепления владельческих прав королевских чиновников на занимаемые должности и их претензий на благородный статус¹⁸, причем клятве верности в ее наивысшей форме – “абсолютного” или “совершенного оммажа” (*hommage lige*), прекращавшего все прежние связи или ставившего их рангом ниже¹⁹.

Значит ли это, что королевские служители в реальности были свободны от иных обязательств, кроме службы королю? Разумеется, нет. Совмещая в реальности службу королю с услугами иным клиентам, приобретая земли в своих сенешальствах и бальяжах, с разрешения короля или без оных, принадлежа к тем или иным кланам и клиентам²⁰, королевские служители тем не менее тщательно вуалируют эти связи и отстаивают на словах свою независимость и принадлежность “только королю и никому другому”, и эти слова не стоит сбрасывать со счетов.

Фундаментальная статья контракта чиновника, исключавшая все прежние связи и обязательства, была глубоко укоренена и принята в политической мысли и массовых представлениях эпохи. Общественное мнение крайне негативно относилось к наличию у чиновников связей с кем-либо, кроме короля, что свидетельствует о соотнесенности контракта чиновника с политической культурой данного общества.

¹⁸ На это указывает наличие в формуле обращения слова “верные”, поскольку верность являлась фундаментом вассальной клятвы. О сходстве клятвы чиновника с вассальной клятвой см.: *Блок М.* Феодальное общество / Пер. с франц. М.Ю. Кожевниковой. М., 2003. С. 144–145; *Austrand Fr.* Noblesse ancienne et nouvelle noblesse dans le service de l'État en France. Les tensions du début du XVe siècle // *Gerarchie economica e gerarchie sociali, secoli XIII–XVIII. Atti della Dodicesima settimana di studi.* Prato, 1992. P. 631.

¹⁹ Об “*hommage lige*” см.: *Блок М.* Феодальное общество. С. 144–145; 210–211; *Fossier R.* La société médiévale. P., 1991. P. 285.

²⁰ В своем исследовании парламентской корпорации Ф. Отран уделила большое внимание выявлению скрытых или едва скрываемых связей членов Парламента с различными кланами и группами давления, включая партии бургиньонов и арманьяков. См.: *Austrand Fr.* Naissance d'un grand corps de l'État: Les gens du Parlement de Paris, 1345–1454. P., 1981. P. 117–132.

Своеобразным отражением этой взаимосвязи представляется топос общественного мнения: всякий раз, когда королевский служитель становился объектом критики, политической расправы или судебного преследования, в перечне его обвинений фигурировало “предательство короля”, вне зависимости от конкретного проступка или состава преступления. Ни один из многочисленных исследователей этих громких процессов не придавал должного значения подобным повторяющимся пунктам обвинения, концентрируясь на материалах конкретного казуса и не видя в них проявления неких общих мест политических представлений²¹. А между тем подобные обвинения были довольно абсурдны с точки зрения формальной логики: чиновники были лично заинтересованы в укреплении и расширении власти монарха, от чего напрямую зависели их власть, авторитет и статус, они назначались им самим, “поскольку были ему угодны”, пользовались его щедротами и дарами, поэтому злоумышлять против персоны короля было им явно невыгодно. Однако именно в этом обвиняли, в той или иной форме, практически всех королевских служителей, становящихся жертвами зависти, ревности или политических интриг, от Ангеррана де Мариньи до Жака Кёра. И это обвинение, пусть и в перевернутом виде, закрепляло в политической культуре суть контракта чиновника с королем.

Чиновники, несмотря на расширение объема делегируемых им публичных полномочий монарха, так и оставались “слугами короля”, и так именовались в королевских письмах – “servientes nostri”. Еще более важно в этом контексте обратить внимание на наиболее употребительное обращение короля в адресованных чиновникам указах, – “наши любимые и верные”. Эта стандартная формула обращения, употреблявшаяся в приказах и распо-

²¹ Как характерный пример приведем исследование К. Говар, которая ярко описывает ритуальность жертвоприношений чиновников, но не упоминает этого повторяющегося из дела в дело обвинения. См.: *Gauvard Cl. Le roi de France et l'opinion publique à l'époque de Charles VI // Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne: Actes de la table ronde organisée par le CNRS et l'École française de Rome, Rome 15–17 oct. 1984. Rome, 1985. P. 353–366; Eadem. Les officiers royaux et l'opinion publique en France à la fin du Moyen âge // Histoire comparée de l'administration (IVe–XVIIIe siècles): Actes du XIVe Colloque historique franco-allemand, Tours, 27 mars – 1 avril 1977 / Publ. par W. Paravicini et K.F. Werner. München, 1980. P. 583–593. На эту коллизию бегло обратил внимание Артон, заметив, что смерть каждого короля или папы римского сопровождалась подобными обвинениями в адрес их ближайших советников. См.: *Artonne A. Le mouvement de 1314 et les Chartres provinciales de 1315. P., 1912. P. 38.**

ряжениях²², до сих пор не привлекала внимания исследователей. А между тем, она несет важную смысловую нагрузку, обозначая символически значимую связь служителей с персоной монарха. Во-первых, эта формула указывает на наличие личной, персональной связи служителя с конкретным королем, клятву служить которому и защищать его интересы он приносит в момент вступления в должность.

Второй элемент формулы обращения короля к своим служителям едва ли не более важен. Что означает это определение “любимые”, используемое как обязательный элемент формуляра королевских писем? На мой взгляд, этот элемент отсылает к одному из существенных черт архаичной власти в целом, и монархической формы правления в частности, – к теме любви как одной из незыблемых основ взаимоотношений государя и его уполномоченных должностных лиц, опирающихся на личностные и аффективные ресурсы²³.

Обозначив эту большую, еще не исследованную и перспективную тему, ограничусь лишь тем ее аспектом, который раскрывает специфику анализируемого здесь личностного принципа властвования: формула обращения “любимые” может означать, что между королем и его служителями должна царить любовь как фундамент их законного и эффективного взаимодействия²⁴.

Это мое предположение, основанное на формуляре обращения королевских писем, находит подтверждение и в иных свидетель-

²² Использование этой формулы обращения (“*dilectus noster et fidelis / a mezez amez et feaulx conseillers*”) позволяет квалифицировать такие акты как прямые приказы короля своим служителям. См.: *Stein H. Inventaire analytique des ordonnances enregistrées du Parlement de Paris jusqu’à la mort de Louis XI*. P., 1908. P. XI.

²³ Автор трудов по политической мысли и массовых представлениях о власти во Франции XIV–XV вв. Ж. Кринен признался в итоге, что так и не сумел прикоснуться к этой важнейшей теме, притом что со всей очевидностью понял масштаб ее значения для средневековой политической ментальности и для успеха построения монархического государства. См.: *Krynen J. L’Empire du roi. Idées et croyances politiques en France, XIIIe–XVe siècle*. P., 1993. P. 458.

²⁴ Как на специфику начального этапа формирования государства, на тему любви обращал внимание и социолог П. Бурдьё: “власть покоится на личных и аффективных связях, определяемых как верность, любовь, доверие” (*Бурдьё П. От “королевского дома” к государственному интересу // Бурдьё П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; Отв. ред. пер. Н.А. Шматко. М.: СПб., 2007. С. 259*).

ствах, прежде всего в самих текстах королевских указов²⁵. Так, важнейший указ от 28 мая 1359 г., восстановивший на должностях смещенных в ходе восстания Этьена Марсея (1356–1358 гг.) 22 чиновников, кассируя и отзывая указ об их смещении и восстанавливая в “должностях, статусе и репутации”, возвращал им и “любовь короля”²⁶. Через полгода, когда регент королевства Карл провел сокращение и реорганизацию королевской администрации в духе предлагавшихся в ходе восстания реформ, в указе о сокращении вновь появляется тема любви: “Мы сохраняем в любви, в милости и в запасе монсеньора (короля) и нашей персоны тех, кто по сокращению численности, сделанной нашим ордонансом, не остаются больше на должностях”²⁷.

Хотя формула обращения “любимые и верные” в королевских указах фигурирует с самого начала исследуемого периода – с середины XIII в., появление темы любви уже и в самих текстах указов не случайно датируется именно серединой XIV в. Взаимоотношения короля и его служителей к этому времени, вследствие институционального оформления и фиксации штатов ведомств и служб короны Франции, знаменуются известной автономизацией исполнительного аппарата и, как следствие, усилением зависимости монарха от его чиновников в управленческих функциях. И если в правление Филиппа IV Красивого и его сыновей четко обозначилось влияние на короля его служителей, определявших во многом политику короны, то при воцарении новой династии Валуа это влияние становится решающим²⁸.

Правление Карла V Мудрого, пережившего крупнейший политический кризис в 1356–1358 гг. и осуществившего радикальные административные реформы, стало переломным во взаимоотно-

²⁵ Следует иметь в виду, что обращение королевского письма и сам его текст представляют собой две разные части формуляра с точки зрения дипломатики. Формула обращения отражала статус указа и его адресат, что влияло также на характер регистрации и оглашения.

²⁶ “И таким было и всегда оставалось наше твердое намерение, и этих чиновников и советников из-за этого лишения (должности) мы в нашем сердце не лишали нашей любви, но желали всегда, как только сможем, вернуть к себе, иметь и охранять в статусе (Estaz)” (ORF. III, 348).

²⁷ ORF. III, 389.

²⁸ В связи с этим весьма ценно наблюдение Р. Казеля об особой любви короля Иоанна II Доброго к своим ближайшим чиновникам, что отражалось в их переписке, где использовались даже уменьшительно-ласкательные обороты. См.: *Cazelles R. Société politique, noblesse et couronne sous Jean le Bon et Charles V. Genève; P., 1982. P. 45.*

шениях короля Франции и его чиновников. Отныне их влияние в сфере управления становится неоспоримым, и зависимость короля от них получает символический противовес в виде особой любви, связывающей их. Показательно, что тема любви короля и его служителей появляется и в политических трактатах именно с правления Карла V Мудрого. Наряду с известным пассажем из Кристины Пизанской о том, как король любил слушать своих советников, приведем свидетельство автора “Хроники первых четырех Валуа”. В панегирике умершему Карлу V Мудрому автор в число похвальных достоинств короля включает и то, что он “очень любил своих чиновников и очень их возвеличивал”²⁹. Эта особая доверительная близость между королем Франции и его служителями с тех пор входит в обязательный набор качеств похвального правления³⁰. Более того, как показала Ф. Отран, к XV в. ситуация меняется радикально: “любимые и верные” в королевских указах отныне только чиновники, в то время как лица воинского сословия удостоиваются лишь величания “любимые”³¹. Так в политической культуре и массовых представлениях с этого же времени закрепляется идея о взаимной любви чиновников и монарха как гарантии их лояльности, а незаконность иных связей чиновников трактуется как опасное для власти “двоелюбие”.

Король не только оплачивал службу чиновников из доменальных доходов казны (так называемых королевских денег), т.е. “кормил их на свое”, он одевал их в ливрейное одеяние (или выдавал эквивалентную ему сумму денег), глав судебного ведомства – канцлера и президентов Парламента – в “королевскую одежду”, что было знаком тесной личной связи служителей короны с персоной монарха³². В комментарии издателя ордонансов и королевского чиновника Э. де Лорьера дается весьма примечательная генеалогия и трактовка этой статьи вознаграждения королевских служителей. Возводя ее к традициям Римской империи,

²⁹ “moult ama ses officiers et moult les accroissoit” (Chronique des quatre premiers Valois (1327–1393) / Éd. S. Luce. P., 1862. P. 288).

³⁰ Позднее Тома Базен подчеркивал, что Карла VII “очень любили его чиновники”, усиливая тем самым негативный контраст со сменившим его на троне Людовиком XI: “Unde miro modo ad officariis regni carus habebatur” (*Basin Th. Histoire de Charles VII* / Éd. et trad. Ch. Samaran. 2 vols. P., 1933–1944. Т. 2. P. 303).

³¹ *Autrاند Fr. Noblesse ancienne...* P. 631–632.

³² *Ducoudray G. Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe et XIVe siècles.* P., 1902. P. 173–187; *Quicherat J. Histoire du costume en France depuis les temps les plus reculés jusqu’à la fin du XVIII siècle.* P., 1875. P. 314–325.

где император якобы вознаграждал своих солдат, чиновников и домашних слуг не только деньгами, но и одежаниями, автор приравнивает особое одеяние судей к ливреям рыцарей как к знаку их принадлежности к “сотрапезникам” (*commenseaux*) государя³³. Это включение королевских служителей в ближайшее окружение монарха, столь дорогое сердцу парламентария эпохи Старого порядка, естественно, было еще важнее на исследуемом начальном этапе становления института службы короне Франции.

Весьма красноречив в этом контексте следующий эпизод политического кризиса середины XIV в. Когда под нажимом депутатов Штатов, подкрепленным вооруженными действиями парижан, дофин Карл в феврале 1358 г. был вынужден вытерпеть унижение королевского достоинства – надеть на голову убор сине-красных цветов (герба Парижа) в знак солидарности с совершенным на его глазах убийством двух маршалов, главы восстания этим не ограничились. Они отправили Карлу “сукно двух цветов, синего и красного, чтобы герцог мог сделать шапки для себя и своих людей... и так он поступил, и носил эту шапку, как и его люди, из Парламента и других палат Дворца, и все остальные чиновники, бывшие в Париже”³⁴. Восставшие не из пустой прихоти и бравады потребовали распространить знаки отличия дофина на его чиновников, видя в этом акт подчинения их власти и показывая тем самым важную смысловую нагрузку знаков отличия, демонстрирующих нерасторжимую личную связь правителя и его служителей.

Эта нерасторжимая связь, легитимирующая властные полномочия чиновников, с особой силой проявлялась в каждом кризисе власти. Важнейшим среди них в исследуемый период была королевская схизма, расколовшая в 1418 г. страну на две части – под властью Карла VI (так называемая английская Франция) и под властью его сына, будущего Карла VII (так называемая буржская Франция). В обоих лагерях только персона монарха легитимировала власть параллельных органов власти, действовавших одновременно в Париже и в Пуатье. Не случайно в момент вступления в Париж войск герцога Бургундского в ночь с 29 на 30 мая 1418 г. в панике бежавшие чиновники-“арманьяки” приложили

³³ ORF. I, 735.

³⁴ *Chroniques des règnes de Jean II et de Charles V* / Éd. R. Delachenal. 4 vols. P., 1917–1920. T. I. P. 151–152. В этом описании сквозит явное возмущение автора – королевского чиновника высокого ранга – Пьера д’Оржемона, канцлера Франции.

максимум усилий, чтобы заполучить в свои руки дофина Карла как гарантию их политического будущего и легитимности власти³⁵. Оставшиеся в Париже чиновники с 1422 г. столкнулись с не меньшей проблемой: пребывание малолетнего короля соединенного королевства Генриха VI в Англии лишало их власть главного компонента легитимности³⁶. После возвращения Парижа под власть Карла VII он не жаловал столицу частым пребыванием, что ставило его служителей в двусмысленное и неприятное положение³⁷. Позднее в сложных перипетиях взаимоотношений Карла VII с сыном, на которых умело играл герцог Бургундский, наследник престола также был главной ставкой в борьбе за влияние на власть³⁸.

Хотелось бы обратить внимание на еще одну не привлекавшую должного внимания деталь, понятную только в этом контексте. Когда какого-либо чиновника лишали должности или отправляли в опалу, это выражалось, в том числе, в форме буквального удаления его от персоны монарха на строго определенное расстояние, что очевидно порывало символически важную для статуса чиновника связь с персоной короля³⁹. Так, опала мармузетов в 1392 г.

³⁵ См. подробнее об обстоятельствах этого события и его подоплеке: *Цатурова С.К.* Танги дю Шатель и успешный заговор чиновников (рыцарь на службе короне Франции) // *Человек XV столетия: грани идентичности.* М., 2007. С. 159–180.

³⁶ На этот аспект власти королевской администрации – присутствие короля – первым обратил внимание исследователей Б. Гене: он, в частности, предостерегал от упущенного понимания автономизации бюрократического поля власти от персоны монарха и от недооценки фактора личного присутствия короля как гаранта легитимности деятельности чиновников. См.: *Guenée B.* Paris et la cour du roi de France au XIVe siècle // *Villes, bonnes villes, cités et capitales. Études d'histoire urbaine (XIIe–XVIIIe siècles) offerts à Bernard Chevalier / Éd. par M. Bourin.* Tours, 1989. P. 259–265.

³⁷ Отголоском их обид и тревог служит пассаж из обращения к королю Жана Жувеняля, который прямо упрекал монарха в нежелании жить в столице (*Juvénal des Ursins J.* *Écrits politiques / Éd. P.S. Lewis.* 2 vols. P., 1978, 1985. T. I. P. 370).

³⁸ Герольд Беррийский пишет в своей хронике о происках сторонников герцога Бургундского захватить Людовика в свои руки: “de mettre monseigneur le daulphin en leurs mains... et ainsi par ce moien cuidoient et vouloient avoir le gouvernement de ce royaume” (*Bouvier Gilles le, dit le Héraut Berry.* *Les chroniques du roi Charles VII / Éd. H. Courteault et L. Celier.* P., 1979. P. 213).

³⁹ Такая мера могла исходить из представления об особой “территории мира” вокруг королевской резиденции, на которое ссылался правовед XV в. Жан Бутийе. См.: *Perrot E.* *Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIIIe et XIVe siècle.* P., 1910. P. 102.

выразилась не только в их отстранении от королевских служб, но и в запрете “приближаться к королю ближе чем на 40 льё”. То же самое наказание постигло Жака Кёра: ему было запрещено “под страхом ареста и конфискации имущества” приближаться к персоне короля ближе чем на 10 льё; а в 1456 г. Гийом Гуффье, первый камергер короля Карла VII, был приговорен к отстранению от службы и к “изгнанию на 30 льё от персоны короля”. В этом же ракурсе следует рассматривать и свидетельство Анри Бода: хвала покойного короля Карла VII за правильный выбор советников, он отмечает, что “когда кто-то из его слуг, чиновников или других был уличен в неких проступках и просил у него прощения, он охотно давал его, но никогда не желал более его видеть рядом со своей персоной”⁴⁰.

Еще более авторитетно о нерасторжимой связи чиновников с персоной монарха свидетельствует административная практика. Формуляр писем назначений чиновников убедительно доказывает исключительное право короля выбирать своими служителями тех, “кто ему угоден”, и эта формула оставалась неизменной и параллельной процессу бюрократизации форм комплектования королевских должностных лиц. Прежде всего, для того чтобы получить должность, человек должен был сначала обратиться к королю с просьбой об этом (*requête*). Хотя эти просьбы нигде не регистрировались и могли подаваться в устной форме, к этой обязательной процедуре отсылает сам термин, обозначающий получение должности, – “*impetratio*”, взятый на вооружение королевскими юристами из арсенала церковной администрации и обозначавший потенциальный “дар короля” (*lettre de don*) человеку занять ту или иную должность⁴¹. Таким образом, все королевские письма о даровании права на получение должностей являлись ответом на прошение о допуске к королевской службе. Особенность этих писем состояла в том, что они не означали автоматического зачисления человека на службу, поскольку для этого со временем

⁴⁰ *Religieux de Saint-Denis. Chronique contenant le règne de Charles VI de 1380–1422* / Éd. L.F. Bellaguet. 6 vols. P., 1839–1855. Т. II. P. 29; *Chartier Jean. Chronique de Charles VII, roi de France* / Publ. Vallet de Viriville. 3 vols. P., 1858. Т. 3. P. 43, 54; *Baude Henri. Éloge ou portrait de Charles VII* // Chartier J. *Chroniques*. Т. 3. P. 130–140.

⁴¹ Юридический термин “*impetratio*” использовался в каноническом праве для квалификации факта получения церковного бенефиция. См.: *Autrard Fr. Offices et officier royaux en France sous Charles VI* // *Revue historique*. P., 1969. Т. 242. N 2 (492). P. 316.

надо было пройти определенные процедуры – регистрацию указа в Парламенте и в Палате счетов и введение в должность через присягу (клятву), но главное – выдержать конкурсный отбор из возрастающего числа претендентов, имеющих идентичные письма короля о даровании службы. Именно поэтому позднее используется термин “*lettre de provision*” – запас или резерв, – поскольку благодаря этому королевскому письму человек лишь включался в группу потенциальных кадров администрации. Но без такого королевского письма человек не допускался к должности вообще.

В формуляре этого королевского письма выпукло запечатлен патримониальный, личностный принцип при комплектовании кадров королевской администрации: он выражался в обязательной формуле, содержащейся в письме-даре короля права на получение должности, – “пока нам это угодно”, “поскольку нам это угодно”, “ибо таково наше желание”⁴². В сборнике формуляров Канцелярии, составленном Одаром Моршерном в 1420-х годах, содержится важный для исследуемой проблемы комментарий к этой формуле письма о даровании должности. Вот как этот опытный служащий Канцелярии объясняет обязательность упоминать в письме о даровании должности “желание короля”: “эта формула включается во все дарования служб... поскольку это службы постоянные, от одного короля к другому (переходящие), если не нарушены обязательства”⁴³. По сути, эта формула нужна для гарантии ограничения сроков службы или возможности маневра короля, могущего заменить чиновника. Она, как следует из комментария Моршерна, стала особенно актуальна после фиксации штата ведомств и служб короны Франции, сделавшей эти должности постоянными, не упраздняющимися при смене монарха.

Заметим, что внедрение бюрократических процедур комплектования не меняло временного характера королевских служб, и чем выше был статус службы, тем менее стабильной она была. Ярчайший пример тому – должность канцлера. Как глава всей

⁴² “*tant comme il nous plaira*” (*Morel O. La grande chancellerie... P. 541. N 34*); “*il Nous plaist*” (*Le Formulaire d’Odart Morcherne dans la version du mss BNF fr. 5024 / Éd. O. Guyotjeannin et S. Lusignan. P., 2005. P. 205, P. 210. N 7.12*); “*quamdiu nostre pacuerit voluntati*” (*Ibid. P. 213. N 7.15*); “*car tel est nostre plaisir*” (*Ibid. P. 186. N 6.2*).

⁴³ “*Item nota celle clause tant qu’il nous plaira, car elle se met en tous dons d’offices qui se seellent en chancellerie... pour ce que ce sont offices perpetuelz de roy en roy qui ne les forfait*” (*Le Formulaire d’Odart Morcherne... P. 206. N 7.8.e*).

гражданской администрации и “уста короля”, канцлер был ближайшим к персоне монарха служителем. В выборе этого ближайшего доверенного лица король Франции не был связан никакими правилами, здесь его мнение было абсолютным законом. Короли не только по своему “желанию (*ad nutum*)” выбирали канцлера, но и могли без всяких объяснений его сместить. Так, при Филиппе VI Валуа на этой должности перебивало 9 человек⁴⁴. Хотя в правление Карла V Мудрого вводится процедура выборов канцлера, но и позднее, в период англо-бургиньонского правления канцлером становился только тот, кто был угоден верховному правителю⁴⁵.

Суверенное право короля назначать всех своих служителей имело следствием, таким образом, его право сместить любого из них. Фундамент этого права был заложен самой формулой назначения чиновника – “пока он нам угоден”, “поскольку нам так угодно”, подчеркивавшей временность делегируемых функций. Указатель к архиву Парламента показывает, насколько подобное не подкрепленное судебным приговором отстранение чиновников было рутинной практикой королевской администрации. В этом указателе самый большой раздел касается именно смещений с должностей, причем формула их проста – “смещены без судебной процедуры” (*otez et privez sans forme de justice*). Отдельно идет раздел о смещениях при Людовике XI, который чаще других монархов в исследуемый период пользовался этой прерогативой короля⁴⁶.

Неразрывная личная связь служителей с персоной правителя является одной из самых архаичных и одновременно универсальных черт сферы власти. В трактовке Алена Гери, ритуал символического преломления жезлов служителями во время похорон короля Франции показывает отличие возникающей в эпоху

⁴⁴ См. подробнее: *Tessier G. Diplomatie royale française. P., 1962. P. 137–141.*

⁴⁵ Об этих коллизиях и о сложных взаимоотношениях Парламента с канцлером в этот период см.: *Цатурова С.К. Офицеры власти. Парижский парламент в первой трети XV в. М., 2002. С. 145–148.*

⁴⁶ *Archives Nationales de France (Далее: AN). Série U Extraits, copies et mémoires intéressants diverses juridictions, procédures et pièces déposées aux greffes. U 562. Officiers du Parlement.* Есть в нем и смещения вследствие доказанных в суде проступков или преступлений чиновников, а также смещения за участие в бунтах, в политических интригах против короля. В ходе Прагерии Карл VII также широко прибегал к смещениям примкнувших к восстанию чиновников. Так, о смещении “многих чиновников и капитанов городов и замков Шампани” упоминает официальный хронист правления Жан Шартье (*Chartier J. Chronique. T. 2. P. 12–13*).

Средневековья под влиянием церкви теории короля-посредника между Богом и людьми от теории правителя-божества, имевшей место в предшествующий период⁴⁷. Соглашаясь в целом с этой трактовкой, как и с важностью появления концепта “неумирающего тела короля”, воплощенного в королевской администрации, хотелось бы все же уравновесить эту позицию и обратить внимание на существование в этот период, при всех успехах процесса институционализации, бюрократизации и автономизации королевской администрации от персоны монарха, нерасторжимой символической связи корпуса чиновников с конкретным королем.

О значении этой символической связи для идентификации и легитимации формирующейся “государственной знати” едва ли не ярче всего свидетельствуют складывающиеся мемориальные практики чиновников, прежде всего уставы братств служителей короны, их завещания и эпитафии. Наряду с традиционными для средневековых корпораций формами взаимопомощи и укрепления группового единства через религиозные и мемориальные практики и совместное общение, обращает на себя внимание присутствие в уставах братств чиновников особых ритуалов, направленных на духовное соединение служителей короны с персоной монарха. В начале устава парламентского братства св. Николая предписывалось служить мессы не только за членов братства и их благожелателей, но и “за короля нашего сеньора, мадам королеву, их детей и наследников”⁴⁸. Эта же норма содержалась в уставе братства служителей Канцелярии – “четырех св. евангелистов” – “молиться за королевскую династию”⁴⁹, “за спасение души предков и потомков королей Франции” наравне со службами за усопших коллег⁵⁰. Не менее значимо в этом плане создание братства в

⁴⁷ Guéry A. La dualité de toutes les monarchies et la monarchie chrétienne // Le royaume sacré dans le monde chrétien / Ed. A. Boureau et Cl.-S. Ingerflom. P., 1992. P. 45–47.

⁴⁸ “pour accroistres et multiplier le service divin pour le Roy nostre Sire, Madame le Roine, leurs enfans et successeurs” (ORF. II, 177).

⁴⁹ “pro Regibus Francorum”, “ac predecessorum et successorum nostrorum Francie Regum” (ORF. IV, 554).

⁵⁰ “pour le salut des ames de nosdicts predecesseurs et clerics et notaires trespasseés, et pour la prosperité de nous et de nostre royaume et d’iceulx clerics et notaires vivans” (ORF. XVI, 336, указ от июля 1465 г.). Об этом же гласила плита, находящаяся в монастыре целестинцев и освященная 8 декабря 1362 г.: “Hoc altare... fundatum est... pro remedio et salute animarum Regum Franciae, cancellariorum atque secretariorum et notariorum suorum defunctorum, vivorum et futurorum” (Epitaphier du vieux Paris. Epitaphier du vieux Paris. Recueil général des inscrip-

честь короля Людовика IX Святого, соединившего в своем облике религиозный культ с культом нарождающегося государства⁵¹.

О значении в построении идентичности служителей короны связи с персоной монарха, а через нее – с “мистическим телом” государства свидетельствуют и отдельные пункты завещаний, которые предусматривали церковные службы за короля и правящую династию. Так, Жан де Фольвиль, мэтр Палаты счетов, выделил целых 60 ливров на оплату служб за упокой его души, а также “за душу короля недавно почившего и за короля нынешнего”⁵². Еще нагляднее эта связь институтов королевской власти с персоной монарха проступает в завещании Пьера Ле Серфа, генерального прокурора в Парламенте: он заказал 100 месс “за короля и его линияж, за королевство и благородную курию Парламента”⁵³.

Возможно, еще больший вклад в построение идентичности служителей короны через их связь с персоной монарха, правящей династией и государством внесли тексты эпитафий чиновников, в которых упоминаются король и государство. Так, в эпитафии Филиппа де Мезьера, в которой перечислены все его деяния, особо выделена его служба “прямому и природному господину, образованному, мудрому, милосердному, католическому и наисчастливейшему королю Франции Карлу Пятому”⁵⁴. В эпитафии

tions funéraires des églises, couvents, collèges, hospices, cimetières et charniers depuis le Moyen âge jusqu’à la fin du XVIIe siècle / Éd. E. Raunié, M. Prinot, A. Lesort, H. Verlet. 12 vols. P., 1890–1918; 1974–1999 / Histoire général de Paris. T. 2. P. 327–329. N 814–815).

⁵¹ Весьма любопытно в этом плане и братство воинов (sergens-d’armes) – служба личной охраны короля, – созданное в честь Людовика Святого и св. Екатерины, в церкви Сент-Катрин-дю-Валь-дез-Эколье, и “в память о прекрасной и знаменательной победе в битве при Бувине” Филиппа Августа, в уставе которого также предусматривались службы за прежних и нынешних королей Франции. См. указы от апреля 1376 г. и сентября 1410 г. (ORF. VI, 185; IX, 541–543).

⁵² “pour les ames du Roy Charles dernier trepassé dont Dieu ait l’ame et du Roy Nostre Seigneur qui a présent est” (Bibliothèque Nationale de France. Collection Moreau. 1161–1162. Copies de testaments enregistrés au Parlement. 1161. Fol. 368r, 373r, 374v–375r). Поскольку завещание составлено в 1409 г., речь идет о Карле VI и его отце Карле V, причем такие службы он заказал в нескольких церквях: в храме Святых Отцов в Корби, в Божьем Доме в Париже и в Амьене.

⁵³ “pour les rois de France trespassés... et cent messes du st esprit pour la bonne disposition et gouvernement du Roy, du Royaume, de sa sang, lignée et... de la noble cour de Parlement” (AN Série X. Parlement de Paris. X1a. 9807. Testaments enregistrés au Parlement de Paris et exécutions testamentaires. Fol. 111v).

⁵⁴ “au service de son droict seigneur naturel, lettré, sage, debonnaire, catholicque et bien fortuné Roy de France Charles Cinquieme de son nom” (Épitaphier du vieux Paris. T. 2. P. 426–427. N 909–910).

Жана де Монтегю, ставшего жертвой политического борьбы бургиньонов и арманьяков в 1409 г., недвусмысленно сказано о ненависти к нему “из-за его добрых и верных служб королю и королевству”⁵⁵.

В этих практиках нашла выражение специфика корпоративной исторической памяти чиновников, которая напрямую связывала их с персоной монарха. В ней отразились не только неустранимый личностный характер монархической власти, но и значение самого концепта государства для легитимации социального статуса чиновников. Их деяния и служба, в отличие от индивидуальных подвигов рыцарей, имели общественно значимую ценность только при сохранении возводимого ими здания государства. Вследствие этого историческая корпоративная память чиновников оказалась неразрывно связана с культом “неумирающего тела государства”, о чем свидетельствуют уставы братств служителей короны, их завещания и эпитафии. Закрепляя через связь с королем свою неразрывную связь с формирующимся государством, служители короны тем самым возводили и внедряли в политическую культуру абстрактную идею государства. Вместе с тем преемственность династии на троне коррелировала с преемственностью службы чиновника: мессы за бывших, нынешних и будущих монархов и королевских должностных лиц увязывали их в некую единую неразрывную цепь, укрепляющую теорию “неумирающего тела” государства.

Выявленное мной сохранение личностного начала королевской власти в исследуемый период, безусловно, свидетельствует об архаичности этого государства, о его первых шагах в направлении институционализации и бюрократизации. Однако следует напомнить, что личностный компонент не будет изжит вплоть до конца Старого порядка, поскольку он неустраним при монархической форме правления. Более того, в известной мере он сохраняется до наших дней как один из существенных элементов государственной “машины”. Центральная позиция монарха не только как независимого арбитра и последнего прибежища для всех в поисках справедливости, но и как главного распорядителя всех должностей в администрации, выбирающего тех, кто ему угоден, особенно на наиболее близкие к его персоне службы, в той или

⁵⁵ “en haine des bons et loyaux services par luis fais au roy et au royaume” (*Merlet L. Biographie de Jean de Montagu, Grand Maître de France (1350–1409)* // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1852. T. 3. P. 283).

иной форме проступает в полномочиях главы современного государства, что придает сделанному исследованию дополнительную смысловую многозначность. Сохранение личностного компонента власти не снижает степени развитости исполнительного аппарата государства, но каждый раз преломляется в динамичный конфликт двух форм управления – авторитарной и коллегиальной.

И последнее: функция монарха по легитимации и идентификации социальной группы чиновников раскрывает одну из существенных обязанностей государства – санкционировать общественную структуру⁵⁶. Формулируя тему своего выступления на конференции, я предполагала столкнуть две разные формы легитимации – рыцарей (дворян) и чиновников, подчеркнув особую роль персоны короля именно в конституировании последних. Однако работы французских коллег парадоксальным образом выявили ту же центральную роль короля в оформлении и первой группы. И это обстоятельство подкрепляет идею о том, что функция верховной власти, особенно возникающего централизованного государства, заключалась, в том числе, в легитимации социальных статусов различных общественных групп, что с особой наглядностью проявилось в процессе построения “государственной знати” во Франции XIII–XV вв.

⁵⁶ Об этой социальной функции, содержащейся в самом концепте *regere fines* – “устанавливать границы”), см.: *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 249. П. Бурдьё также квалифицирует титулы как гарантированные государством (через его уполномоченных – нотариусов, судей и т.д.) социальные идентичности. См.: *Бурдьё П.* Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Бурдьё П. Социология социального пространства. С. 241.